

Безопасность: дестабилизация и моделирование процессов миротворчества в поле гендерных исследований

Л.В. Сажина¹, С.С. Косинов², С.И. Самыгин³

*¹Южный федеральный университет, ²Дивизион Юг ООО «Бибиколь», ³Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению проблем дестабилизации, особенностей конфликтов и проблемных зон в современных гендерных и брачно-семейных отношениях, в основном в системе ролевых установок. Выбранные проблемные зоны не только дисгармонизируют отношения внутри семейной ячейки и вызывают у индивида глубокие чувства неудовлетворенности жизнью, но и дестабилизируют общество в целом, разрушая состояние мира и спокойствия локально и глобально. Известно, что некоторые современные типы гендерных и брачно-семейных проблем оказываются весьма деструктивными для существования всей социальной системы. Таковыми, в частности, можно назвать дисбаланс ролей и неадекватность престижности супругов/партнеров. В связи с актуальностью обозначенных проблем повышается необходимость моделирования процессов миротворчества в социуме, где главными действующими акторами, несомненно, могут стать женщины. Женская гендерная подгруппа сыграла заметную роль в вопросах миротворчества, в частности, в период Второй мировой войны, выполняя разнообразные социальные роли.

Ключевые слова: миротворчество, безопасность, семья, гендер, гендерные исследования, Вторая мировая война, «военная невеста».

В наши дни в научной литературе достаточно часто встречаются тезисы о значительной роли женщины в обеспечении безопасности на любом уровне социальной структуры общества, о ее потенциале моделировать процессы миротворчества; дискутируются вопросы о тенденциях принятия современной женщиной лидерства и, прежде всего, в семье, конечно [1]. В наши дни социальный статус мужчины и женщины практически сравнялся. В современном обществе женщины работают наравне с мужчинами и получают материальную независимость. Некоторые мужчины продолжают считать себя главой семьи и не могут «подчиняться воле женщины» без ущерба собственной самооценки. Взаимопонимание и конструктивный диалог в таких отношениях могут сохраняться, если женщина выступает в роли «скрытого лидера», давая возможность мужчине оставаться формальным лидером. Подобное моделирование процесса миротворчества

снимает напряженность и снижает степень конфликтогенности ситуаций взаимодействия.

Результаты научных исследований гендерных и семейно-брачных вопросов фиксируют проблемную зону, связанную со статусностью и неадекватностью выбираемых партнеров [2]. Например, современные мужчины, продолжают, как и в прошлые времена, выбирать партнершу для построения долговременных отношений, обращая внимание, прежде всего, на внешность женщины и ее возраст, значит, биологический аспект продолжает оставаться доминирующим. А в выборе мужчины современные женщины уделяют лишь незначительное внимание внешним данным мужчины; для них самыми актуальными являются социальные факторы, в частности, достаток, профессия, характер социальных взаимодействий, в который вписан потенциальный партнер мужского пола. Сегодня часто происходит так, что престижность одного из партнеров, особенно женщины, выше другого. А периодическая неадекватность престижности является одним из современных противоречий гендерных и брачно-семейных интеракций, что усиливает проблемный характер процессов миротворчества, как с позиций отношений мужчин и женщин микроуровня, так и с точки зрения других уровней социума.

Моделирование процессов миротворчества и безопасности усложняется, как, скажем, и на советском пространстве, «перегрузка ролей женщины». СССР, Россия всегда отличались от других стран мира значительной распространенностью гендерного контракта работающей матери. В наши дни современная женщина вынуждена, пожалуй, реализовывать еще больше (социальных) ролей, чем мужчина. Помимо ролей «матери», «жены/партнерши», общество и мужчины продолжают ожидать от женщины выполнение ею роли «успешной работницы», а часто и «руководительницы», материально обеспечивающей семью,

осуществляющую роль (главного) «добытчика». Психологи и социологи отмечают, что у женщин, которые большую часть своего времени проводят на работе, появляется чувство вины в связи с недостаточным количеством внимания, которое она уделяет своим близким, детям и выполнению хозяйственных функций [3]. Чувство вины и постоянная нехватка свободного времени для развития творческого потенциала может привести к нарушениям физического и социального здоровья индивида, что, в конечном счете, несет угрозу социальной безопасности и стабильному функционированию общества в целом.

Результаты исследований отражают значительный рост количества конфликтов, разрешение которых имеет деструктивные последствия для женщин-работников (доля женщин, уволенных в результате трудовых конфликтов, почти вдвое превышает долю мужчин). Женщины практически в любом трудовом коллективе являются уязвимой группой, им сложно защищать свои интересы. Можно перечислить всего лишь несколько факторов, детерминирующих подобные ситуации: возрастной и социальный статус (замужние, а также удовлетворенные своей жизнью женщины не склонны к излишней конфронтации с другими женщинами); ситуация, когда коллектив состоит только из одних женщин; если женщина по статусу ниже, но более привлекательна, то придирок со стороны более высококачественной женщины (руководительницы) практически не избежать, (особенно, если у нее проблемы в отношениях с мужчинами в личной жизни), различный уровень образования и другие [4].

Ролевой конфликт, связанный с невозможностью для женщины одновременно реализовать разные социальные роли усиливает проблемные зоны «дестабилизации и миротворчества» современного общества. Внутриличностные ролевые конфликты в большей степени изучены гендерологами и семейными психологами в аспекте «ролевого конфликта работающей

матери» в связи с трансформацией социальной (профессиональной) роли, а также статуса женщины. Исследователи отмечают, что ситуация интенсивного включения женщины в профессиональную сферу отражается не только на самих женщинах, но и на мужчинах, которые также начинают «страдать» от расширения сфер деятельности женщины (В. Berg, N. F. Marks [5]). Современные исследователи «гендерного поля» определили, что основными механизмами, эскалирующими зоны нестабильности и конфликтности, являются «сверхкомпенсация чувства вины за несоответствие ролевым эталонам и фрустрация потребности самореализации в субъективно значимых ролях, вызывающая внутреннее напряжение, тревогу, раздражение [5].» Значительную роль в возникновении и эскалации конфликта играют гендерные различия в механизмах самоактуализации. Например, такая особенность самоактуализации женщины, как особая важность «других», а также ориентация на внешнюю позитивную оценку (Л.Н.Ожигова, 2000), что в значительной мере отличается от критериев самоактуализации, присущей мужчинам.

Исследование проблемных областей в сферах гендерных и брачно-семейных отношений индивидов в современном обществе представляет собой большую теоретико-методологическую и практическую значимость, поскольку обозначенные исследовательские лакуны касательно таких фрагментов реальной жизни (кейсов) оказывают значительное влияние на возникновение, протекание и результативность процессов стабилизации и миротворчества в обществе.

Кейс-стади: роли и статусы женщин в годы Второй мировой войны (кейс «японской военной невесты»)

Феномен «военная невеста» известен и подвергается исследованию со времен Второй мировой войны. Количество «военных невест» в этот период выросло до десятков тысяч. Это можно объяснить, поскольку условия жизни в

Европе были плачевными в это время: разрушенные города, экономический крах и широко распространенный голод. В Англии нормированная выдача пищи продолжалась до 50-х годов. Ситуация, вынуждавшая женщин мигрировать с целью брака, проста и понятна. Положение в странах, проигравших Вторую мировую войну, было еще хуже. Американские солдаты женились на женщинах, с которыми они познакомились на территории Германии. Женщина по природе предназначена, прежде всего, для реализации ролей «матери» и «жены», поэтому уже подсознательно готова на их выполнение в любых условиях. Более того, природа «сконструировала» женщину так, что она априори по натуре стремится к миру, к моделированию процессов миротворчества всеми возможными путями. Скорее всего, желание создать пару с солдатом – это уже шаг к «успокоению агрессивного мужского поведения», пацифистское направление за отказ от военных действий, некая ступень миротворчества. Взрослые женщины вообще более ориентированы на окружающих, их желания, потребности. Мужчины предпочитают роли, в которых требуется проявление агрессии (война, спорт), в то время как для большинства женщин агрессия может быть совсем неуместной (роли «матери», «учительницы», «секретаря-помощницы» мужчины). Женщины, в отличие от мужчин, по природе проявляют больше терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов. М.А. Круглова, исследуя стратегии поведения в гендерном аспекте, что разрыв между тремя видами стратегий (агрессия, миролюбие, избегание) минимален у женщин, у мужчин же больше наблюдается либо агрессия, либо стратегия избегания. Миролюбие у мужчин выражено значительно меньше, чем у женщин – такова социальная психология в отношении полов [6].

Известно, что большую роль в разнообразных пацифистских движениях, особенно в США, играли женщины. Среди них особенным влиянием пользовалась американская секция Международной женской лиги

за мир и свободу, которая объединяла около 13 тысяч членов. Наряду с другими миротворческими организациями женские объединения участвовали в многочисленных кампаниях за разоружение, развернувшихся уже в 20-е годы, и "духовном замирении народов" [7]. Однако, согласно выводам исследователей, пацифистские организации, несмотря на их большую активность, оставались немногочисленными и бессильными значительно повлиять на разворачивание печальных исторических процессов, приведших к приходу к власти фашизма в Германии [8].

Окончилась Вторая мировая война и после ее окончания Конгресс США принял акт «военных невест» 1945 года, что позволило иностранным женам военнослужащих США иммигрировать в Соединенные Штаты. Однако, с запретом иммиграции из стран Азии после Второй мировой войны, тем самым, к сожалению, занижая статусность азиатских женщин, наплыв тысяч таковых женщин создал социальную напряженность вместо выполнения миротворческой цели и открытия крупнейшего в США процесса кросскультурной интеграции. В частности, 50 000 женщин, которые мигрировали из Японии в США в 1946-1965 гг., занимают уникальное место в американской истории. Написаны книги о том, как эти женщины-японки делятся своими триумфами, огорчениями, успехами, рассказывают о том, как «была запятнана их идентичность и социальная сегрегация» [9]. В основном книги - это устные истории, фокусирующиеся на описании жизни женщин во время Второй мировой войны и оккупации Японии. В частности известная книга Анн Мари Л. Дейвис освещает культурные ожидания гендеров в ситуациях, вызванных войной, последствия оккупации. «Военные невесты», готовые к успешной интеграции условно начали «праздновать семейно-брачные отношения» и «конструировать процессы миротворчества», однако, по оценкам пятидесяти тысяч японских женщин многие из них встретились с недоверием, неприязнью, снисхождением. Другие авторы (Мики Уорд

Кроуфорд, Кэти Каори Хаяши, Шизуко Суэнага), считают, что само понятие «(японская) военная невеста» имеет негативную коннотацию с момента своего создания. Хотя это понятие остается нейтральным в английском языке и других, его перевод на японский язык (*sensōhanayome*) несет негативный смысл по причине стереотипного убеждения, что большая часть военных невест – это бывшие «продажные женщины», секс-работницы. Несмотря на проблемный характер понятия «военная невеста», многие авторы им пользуются, поскольку ничего конструктивного взамен не найдено до сих пор. Рассказы о японских военных невестах свидетельствуют, что большинство из этих женщин испытывали неприятие не только в Японии, но и в США, а также в культурном пограничье зарубежных военных и японских американских общин. Их упрекали японские соотечественники за брак с «врагом», а на новой родине преследовали противники смешанных браков. Кроме того, американские чиновники и военнослужащие демонстрировали презрение к таким союзам, делая процесс легитимации международных браков крайне сложным. После переезда в США многие «военные невесты» приобретали опыт культурной изоляции, остракизма, правовой и прочей дискриминации [10].

Исследования феномена «военная невеста», безусловно, актуальны, поскольку получаемые результаты проливают свет в месте до сих пор незаполненных лакун в женских историях, военной истории, специфических процессах миротворчества, на стыке многих наук и дисциплин [11]. Как отмечает Р. Джонс [9], устные истории женщин – «военных невест» представляют собой «длинный, извилистый путь, при котором создается повествование». В наши дни вопрос поведения, ролей, статусов гендеров во время конфликтных ситуаций и войн, к сожалению, не теряет своей актуальности [12]. Особую значимость в этой связи приобретает формирование (гендерной) [13] конфликтологической компетенции как

способности действующего субъекта отношений, оказавшегося в реальном конфликте, осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта [14] и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло [15]. В рамках такого подхода реализуются три главных позитивных функций конфликта: а) разрядки психо-эмоциональной напряженности; б) коммуникативно-связующей; в) консолидирующей, поскольку у конфликтующих сторон появляется взаимный интерес к сотрудничеству. Более того, у субъектов взаимодействия в условиях конфликта обоюдная заинтересованность в разрешении конфликта и поиске конструктивных миротворческих моделей.

Литература

1. Гурко Т.А. Актуальные проблемы семей в России. - М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 20.
2. Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социологические исследования. 2009. №3. С.109-113.
3. Балабанов С.С. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. №7. С. 129 -136.
4. Батаршев А.В. Психология управления персоналом: Пособие для специалистов, работающих с персоналом. - М.: Институт психотерапии, 2005. - 624 с.
5. Шакирова Г.Ф. особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества: Автореф. дис.... канд. психол. наук / Шакирова Гульпат Фиразовня. – Казань, 2011. С. 5.
6. Марков Г.Н. Справочник по конфликтологии, общению и менеджменту. – СПб: Альфа, 2000. – 174 с.
7. Илюхина Р.М. Многоликий пацифизм // Пацифизм в истории... С. 173-175.

8. Павлова Т.А. Миротворчество и пацифизм. Становление культуры мира.
URL:antimilitary.narod.ru/antology/pavlova/pavlova_MirotvorchestvoPacifism.htm
 9. Ann Marie L. Davis. Japanese War Brides in America: An Oral History (review).
URL:[researchgate.net/publication/236704690_Japanese_War_Brides_in_America_An_Oral_History_\(review\)](http://researchgate.net/publication/236704690_Japanese_War_Brides_in_America_An_Oral_History_(review))
 10. Сажина Л.В., Современная гендерная культура: кросскультурный анализ брачно-семейного сегмента. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. – 204 с.
 11. Сажина Л.В. Социологический анализ факторов, моделирующих физические и эмоциональные аспекты здоровья современной студенческой молодежи Южного федерального университета // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2014.
 12. Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Духовные аспекты формирования национальной идентичности: социологический анализ угроз социальному здоровью и духовной безопасности России // Инженерный вестник Дона. 2015. № 3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2015/3195.
 13. Верещагина А.В., Сажина Л.В., Самыгин С.И. Отношение студенческой молодежи к армии как фактор национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 244-249.
 14. Самыгин С.И., Рачипа А.В., Косинов С.С. Спорт в контексте национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 166-170.
 15. Vereshchagina, A., Gafiatulina, N., Kumykov, A., Stepanov, O. & Samygin, S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies, 2015, Vol. 7, No. 7, pp. 223-230. Retrieved from URL: ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/48999.
-

References

1. Gurko T.A. Aktualnye problemy semej v Rossii. [Actual problems of the families in Russia]. M.: Institut sotsiologii RAN, 2006. p. 20.
 2. Mustaeva F.A. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. №3. pp.109-113.
 3. Balabanov S.S. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. №7. pp.129-136.
 4. Batarshchikov A.V. Psikhologiya upravleniya personalom: Posobie dlya spetsialistov, rabotayuschikh s personalom. M.: Institut psikhoterapii, 2005. 624 p.
 5. Shakirova G.F. Osobennosti vnutrichnostnogo gendernogo rolevogo konflikta u muzhchin i zhenshin v usloviyakh sovremennogo obschestva: Avtoref. dis.... kand. psikhol. nauk. Shakirova Gulypat Firazovnya. Kazan, 2011. p.5.
 6. Markov G.N. Spravochnik po konfliktologii, obscheniyu i menedzhmentu. [Reference book on conflictology, communication and management]. SPb: Alfa, 2000. 174 p.
 7. Ilyukhina R.M. Mnogolikij patsifizm // Patsifizm v istorii. pp. 173-175.
 8. Pavlova T.A. Mirotvorchestvo i patsifizm. Stanovlenie kultury mira. URL: antimilitary.narod.ru/antology/pavlova/pavlova_MirotvorchestvoPacifism.htm
 9. Ann Marie L. Davis. Japanese War Brides in America: An Oral History (review).
URL: [researchgate.net/publication/236704690_Japanese_War_Brides_in_America_An_Oral_History_\(review\)](http://researchgate.net/publication/236704690_Japanese_War_Brides_in_America_An_Oral_History_(review))
 10. Sazhina L.V. Sovremennaya gendernaya kultura: krosskulturny analiz brachno-semejnogo segmenta. [Contemporary gender culture: cross-culture
-

analysis of marriage-family segment]. Rostov-na-Donu: IPO PI YUFU, 2008. 204 p.

11. Sazhina L.V. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus). 2014. № 3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2014.

12. Vereschagina A.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus). 2015. № 3. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2015/3195.

13. Vereschagina A.V., Sazhina L.V., Samygin S.I. Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2015. № 3. pp. 244-249.

14. Samygin S.I., Rachipa A.V., Kosinov S.S. Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obschestvennyye nauki. 2015. № 11-1. pp. 166-170.

15. Vereshchagina, A., Gafiatulina, N., Kumykov, A., Stepanov, O. & Samygin, S. Gender Analysis of Social Health of Students. Review of European Studies, 2015, Vol. 7, No. 7, pp. 223-230. Retrieved from URL: ccsenet.org/journal/index.php/res/article/view/48999.